

Кросс-культурная психология

ПСИХОЛОГИЯ ВЫЖИВАНИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ РИСКА: ГИПОТЕЗА ОБ ЭМИГРАЦИИ НА ВЫНОСЛИВОСТЬ

© Волченков Д.

хабилитированный доктор наук (Франция, Германия), лауреат премии Гумбольдта (Германия) и Плана 1000 талантов (Китай), профессор Сычуаньского университета науки и технологий (Китай) и Техасского Технологического университета (США)
dr.volchenkov@gmail.com

Целью заключительной части работы «Психология Выживания в Глобальном Обществе Риска» является обоснование гипотезы об «эмиграции на выносливость» как стратегии регулярного обновления семьи. Подобно бегу на выносливость видимо сыгравшему решающую роль в антропогенезе на ранних этапах эволюции человека, регулярная эмиграция может вывести семью из экологической ловушки устаревших специализаций и отживших традиций путем повышения степени лабильности жизни. Предлагаемая стратегия приобретает особое значение в условиях быстрых и непредсказуемых изменений, происходящих в глобальном обществе риска.

Ключевые слова: социальная психология, глобальное общество риска, политическая психология, психология выживания, модели времени

Введение

В первой части работы мы ввели понятие «глобального общества риска» для описания состояния общества, видящего будущее в свете вообразяемых угроз, потенциально затрагивающих интересы всех народов планеты [1]. Острота конкуренции в глобализированном мире, а также скорость и непредсказуемость социальных и экономических изменений в нем делают использование прежних механизмов социальной адаптации малоэффективным.

Для описания конфликта между привычным жизненным укладом и условиями жизни в глобальном обществе риска, обладающим высокой степенью неопределенности в свете глобальных проблем и угроз, была использована метафора двух моделей времени. Предполагалось, что жизненному укладу глобального общества риска отвечает «авраамическая» модель времени, в которой будущее известно через осознание рисков и уяснение целей движения, а настоящее реконструируется через будущее в рамках стратегического планирования. Обычная реакция человека

линейной модели времени, живущего в согласии с принципами «где родился, там и пригодился», на открывшуюся необходимость изменить свою жизнь ради будущего, клинически соответствует синдрому отложенной жизни, при котором достижение поставленной цели постоянно откладывается на неопределенный срок, желательно – на следующее поколение.

Переход от модели линейного к авраамическому времени соответствует смене стратегии выживания – от стабилизирующего к диверсифицирующему отбору внутри одной популяции, против устоявшихся норм, если они не способствуют снижению конкуренции в условиях быстро меняющейся среды обитания. К явным признакам перехода к диверсифицирующему отбору в стремительно глобализирующемся обществе можно отнести защиту меньшинств, пропаганду девиантного поведения, компрометацию и атаки на традиционные ценности в рамках концепции нового гуманизма. Например, американский мужчина, сменивший пол, может ежемесячно претендовать на пять оплачиваемых не-

рабочих дней во время своих критических дней, индуцируемых приемом химических препаратов.

Во второй части работы формулируем гипотезу о важности регулярной «эмиграции на выносливость» для обновления семьи – подобно тому, как бег на выносливость, видимо, сыграл решающую роль в антропогенезе на ранних этапах эволюции человека как биологического вида [7].

Выживание в условиях высокой неопределенности

Если условия окружающей среды изменяются внезапно, адаптации, которые прежде повышали приспособленность биологического вида к условиям обитания, могут стать дезадаптивными и даже привести к его исчезновению [18, 29, 32, 35]. Перед лицом неопределенности высока вероятность того, что квалифицированные специалисты, профессионалы потерпят неудачу, потому что навыки не играют роли в повышении будущих шансов на успех, когда первоначальный успех случаен или маловероятен. Группы, сталкивающиеся с высокой неопределенностью результатов своих действий, могут оказаться в ловушке повторения одного и того же пагубного сценария поведения, не производя попыток к его улучшению, поскольку из предыдущего опыта нельзя извлечь никаких уроков. В условиях неопределенности часто оказывается более важно не *что* нужно делать, но *когда* следует предпринимать действия к изменению курса и стратегии поведения: чем выше степень неопределенности окружающей среды, тем короче шаги планирования и ближе горизонт доступных целей движения [38].

Согласно экологической теории, различные биологические организмы используют широкий спектр репродуктивных стратегий. Некоторые организмы (рудералы), у которых большинство потомства не доживает до взрослой жизни, могут следовать *r*-стратегии, заключающейся в быстром размножении и выделении ограниченных ресурсов потомству. Другие организмы в большей степени выживают благодаря индивидуальной приспособленности, следуя *k*-стратегии (конкурентного) отбора – производят относительно мало потомков, но тратят больше ресур-

сов на воспитание и защиту каждого потомка в отдельности [31].

Известно, что качество экологии человеческих сообществ также может ориентировать своих обитателей к более быстрым или медленным поведенческим стратегиям [27]. Суровая и непредсказуемая экология, как правило, связана с появлением большего числа детей, рискованным поведением и импульсивностью ее обитателей. Люди из неблагополучной среды имеют тенденцию к более раннему деторождению, словно бы отдавая предпочтение количеству детей над качеством их воспитания. У девочек, растущих без отца, раньше наступают первые месячные, случается первый секс, и рождается первый ребенок, поскольку отсутствие отца может сигнализировать о высоком уровне мужской смертности и нестабильных семейных отношениях в обществе [11]. Быстрые поведенческие стратегии, связанные с очень тяжелой экологией, предполагают большую свободу и меньшую стабильность партнерских связей, чем медленные поведенческие стратегии, ассоциированные с обнадеживающей экологией [27]. Экспериментально было продемонстрировано, что, когда высокая смертность становится очевидной, люди оказываются склонны к более рискованному поведению, а их цели ориентированы на настоящее [16]. В частности, те, кто вырос с более низким социально-экономическим статусом, проявляют большее желание иметь детей в ближайшем будущем [17].

Как чересчур суровая, так и слишком благоприятная экологии в равной степени угрожают успеху выживания. Сообществу, оказавшемуся в суровых условиях существования, просто не хватает времени, чтобы компенсировать высокую смертность. И наоборот, отсрочка или даже полное пренебрежение воспроизводством в сообществе в условиях низкой смертности и высокой стабильности окружающей среды может привести к критическому уменьшению ее численности. В долгосрочной перспективе, наибольшее ожидаемое количество потомства будет наблюдаться в частично стабильной среде, где комбинаторный взрыв числа потомков уравновешивается ожидаемой продолжительностью жизни,

достаточной для воспроизводства. Таким образом, оптимальная стратегия выживания в любой обозримый период времени требует регулярной смены обстановки за счет инноваций, дестабилизирующих среду обитания, и систематических миграций в другие среды [38].

Выживание на ранних этапах эволюции: гипотеза выносливого бега

Разумно ожидать, что эволюция биологического вида, господствующего на планете, должна быть запечатлена в специфических адаптациях, помогающих избегать экологические ловушки стабильной среды обитания. На ранних этапах эволюции такой особенностью могла быть способность постоянно перемещаться, нигде не задерживаясь [38]. В работе D. Bramble и D. Lieberman было высказано предположение, что эволюцию определенных физических характеристик человека можно рассматривать как результат естественного отбора для бега на выносливость [7]. Хотя люди плохие спринтеры по сравнению со многими другими животными, человеческие способности к бегу на выносливость уникальны. Примечательно, что со статистической точки зрения высокая скорость бега в неопределенных и опасных условиях не так важна для успеха выживания, как выносливость [38].

Бег включает в себя физический механизм «массовой пружины» для обмена потенциальной и кинетической энергий с использованием сухожилий и связок, что менее затратно с точки зрения энергии при более высоких скоростях, но не дает преимуществ при ходьбе. Кроме того, потовые железы человека позволяют выделять больше пота на единицу площади поверхности, чем у любых других биологических видов. Лишенные шерсти бегущие люди лучше отводят тепло, выделяемое при выполнении физических упражнений. Вертикальная ориентация позволяет им изменять характер своего дыхания в зависимости от походки. Эта гибкость в частоте дыхания и беговой походке способствует тому, что люди имеют более широкий диапазон энергетически выгодных скоростей бега, чем многие другие биологические виды [8].

Благодаря своим превосходным способностям к терморегуляции, современные люди-охотники

продолжают преследование добычи в течение многих часов, доводя животных до гипертермии, истощения и смерти [24]. Бег на выносливость, очевидно, играл важную роль для людей в добыче пищи. Хотя бег на выносливость больше не является необходимым для выживания, мы наблюдаем удивительные достижения бегунов ультра-марафонцев, которые могут бегать много дней и ночей без остановки. Похоже, что возраст бегунов не имеет большого значения для их выносливости. Так, например, Ким Аллен, мать четырех детей, пробежала без остановки 500 км за 86 часов 11 минут в возрасте 47 лет. Дин Карназес в возрасте 43 лет пробежал 563 км за 80 часов 44 минут, а в возрасте 50 лет преодолел 4800 км за 75 дней. Судя по всему, возможности человека к бегу на выносливость практически безграничны.

Линейная модель времени: выживание эгалитарных сообществ

В линейной модели время течет из прошлого через настоящее в будущее, единосущное прошлому [1]. Неопределенность и риски будущего смягчаются в ней при помощи страхового контракта, гарантирующего застрахованному лицу возмещение потерь, которые могут случиться в результате наступления страховых случаев, сохраняемых в коллективной памяти общины о прошлом [25, 29]. Добытое таким образом линейное время принадлежит не лично человеку, а всему сообществу «общей памяти», основной целью которого становится сохранение страховой базы через сохранение единства общины [1].

Эгалитарный этос присущ общинам охотников и собирателей, в которых никто не должен выделяться из группы. Палеоантропологи утверждают, что сопротивление доминированию в эгалитарных общинах было ключевым фактором, способствовавшим эволюционному возникновению человеческого сознания, языка и социальной организации [6]. Люди, которые настойчиво стремятся получить преимущество над сотоварищами, могут быть исключены из группы или даже убиты ради поддержания эгалитарного духа. Их высокофункциональные, чрезмерно успешные черты не наследуются, но исключаются из генетического пула группы и из пула ли-

нейного времени. Богатые исторические данные и повседневные наблюдения свидетельствуют о том, что люди могут сотрудничать, чтобы изгнать из своей среды лучших среди равных. Синдром высокого мака¹ – систематическое преследование людей, чьи таланты, достижения и качества возвышают их над соплеменниками и нарушают единство группы, – есть повсеместное явление, не ограничивающееся архаическими обществами [12].

М. Вебер высказал предположение, что престиж и власть суть ограниченные ресурсы, а приобретение их в обществе можно рассматривать как игру с нулевой суммой, в которой выигрыш каждого участника точно уравновешивается потерями других. Таким образом, каждый чрезмерно успешный член сообщества подрывает положение всех остальных и рассматривается ими как преступник, который должен быть исключен из группы [39].

В свою очередь, мы можем предположить, что чересчур успешная адаптация отдельных представителей к условиям относительно стабильной среды обитания может вызывать в группе обоснованное беспокойство, что нарабатанные поведенческие черты впоследствии могут стать дезадаптивными, а скорость индуцируемых ими социальных изменений окажется слишком высока, так что безопасность и единство общины могут быть скомпрометированы. Перед лицом неопределенности группа может избавиться от своих чрезмерно успешных членов, чтобы избежать возможной экологической ловушки. По сути, синдром высокого мака, выражающийся в постоянной готовности общины отказаться от самого лучшего, включая мораль, социальные нормы и культурные достижения, вместе с их наиболее выдающимися носителями, является продолжением стратегии бегства на выносливость [38].

¹ Секст Тарквиний спросил своего отца, римского тирана Тарквиния Гордого, о том, что ему делать дальше в Габии. Тарквиний пошел в свой сад, взял палку и метнул ее, срезав головки самых высоких маков, которые там росли. Секст понял, что отец хотел, чтобы он казнил всех самых выдающихся людей Габии, что он и сделал.

Трагическим примером проявления синдрома высокого мака в российской истории можно считать внесудебные преследования и депортации успешных единоличников во время политической кампании уничтожения кулаков, провозглашенной И.Сталиным в 1929-1933 годах и активно поддержанной массами крестьянских общин. Около 20% крестьянского населения России приняли участие в аграрной реформе, начатой премьер-министром Петром Столыпиным в 1906-1911 гг. Реформа сделала ставку на сильных и трезвых крестьян – «кулаков», привязка которых к частным земельным владениям могла бы привести к появлению ориентированных на прибыль, политически консервативных фермеров. Люди, которые когда-то осмелились выделиться из крестьянской общины и получили поддержку правительства, были затем уничтожены в ходе большевистской кампании, восстановившей социальные нормы и обычаи мезолитических сообществ на селе.

На протяжении всей истории человечества легко найти множество других примеров, в которых лучшие и наиболее выдающиеся члены общества и меньшинства были безжалостно уничтожены в ходе геноцидных чисток. Во всех случаях они были одними из лучших представителей своих групп, прекрасно адаптированными к социальной и природной среде [38].

Линейная модель времени подразумевает переход к авторитаризму

Сталкиваясь с кризисом, люди, совместно владеющие линейным временем общины, вспоминают великие кризисы прошлого, которые рано или поздно подходили к концу, и надеются на лучшее будущее, как правило, не совершая никаких личных усилий для улучшения своей судьбы. Ведь любые лично предпринятые действия не только исключают человека из группы, но автоматически лишают его права на пользование линейным временем общины [1]. Необходимость самостоятельного планирования времени вызывает у члена общины линейного времени синдром отсроченной жизни, будто его настоящая жизнь откладывается на неопределенный срок и

начнется когда-нибудь потом – по воссоединению с социумом [4].

По мере усугубления кризиса люди не только сомневаются в том, что их действия могут влиять на обстоятельства жизни, но и сами силы, которые формируют их личные и социальные дела, становятся им неясны [36]. Социальные институты прекращают исполнять предписанные функции, поскольку традиционные нормы теряют свою регулирующую силу, прежние ценности отвергаются, а люди начинают испытывать неуверенность в средствах для достижения своих жизненных целей [38]. В условиях социальной аномии фактическое управление осуществляется поверх институтов, малой группой лиц или даже единолично. И напрасно гражданские активисты готовятся к предстоящим выборам и протоколируют правонарушения, ведь собранные доказательства больше некому предъявлять.

Перед авторитарным лидером и общиной линейного времени в условиях кризиса стоит одна и та же задача – исключить конкуренцию, исход которой неясен – и это обуславливает их долговременный политический симбиоз. С одной стороны, лидер должен постоянно обнаруживать, сдерживать и уничтожать конкурентов, подтверждая свою монополию на власть [34]. Многие политические лидеры в Европе и других частях мира традиционно разыгрывали для этого «перманентную революцию без плана» – долгую политическую игру, направленную сначала на создание, а затем на постепенное обострение ситуации неопределенности и хаоса с целью вызвать чувства страха и незащищенности у населения [3]. Используя все имеющиеся в его распоряжении средства, авторитарный лидер становится главным источником хаоса, беспорядка и неразберихи, хотя в глазах общественности он же и является тем избранным, который может спасти группу от хаоса, спровоцированного им самим [2].

С другой стороны, для населения, испытывающего чувства гнева, негодования и беспомощности, любые относительно успешные сограждане, знающие иностранные языки, люди, пытающиеся улучшить жизнь своей семьи с помощью собственного труда, выглядят «высокими маками», которых, в конечном итоге, приходится сре-

зать [38]. Однако, утолить жажду социальной мести в рамках обычного институционального политического дискурса невозможно. И когда ограничения, связанные с законами и конституцией, наконец, теряют силу, авторитарный режим превращается в тиранию. Длительность симбиоза между общиной линейного времени и тираном ограничивается лишь смертью последнего, поскольку политически слабое население лишено социальных институтов и будет защищать тиранию всеми способами, обменивая политическую власть на право жаловаться лидеру на свои повседневные проблемы [3].

Однако, каким бы ужасным и деспотичным ни был правящий режим, ему неизбежно приходит конец. Профессиональные риски неизбежно перерастают в личные качества, заставляя диктатора преследовать как реальных, так и воображаемых врагов. Даже несмотря на то, что все противники тирана, возможно, были устранены, образовавшаяся вертикаль управления постепенно становится все менее эффективной и, в конечном итоге, теряет стабильность из-за неуклонно возрастающей некомпетентности ее звеньев. Ведь диктатор никогда не может знать наверняка, насколько он успешен в предотвращении угроз собственной власти, и вынужден выбирать своих подчиненных, руководствуясь критерием их некомпетентности, чтобы гарантировать, что они менее способны, чем он сам. Руководители, попавшие наверх в результате негативного отбора, должны делать то же самое с теми, кто ниже их в правящей иерархии. В результате, растущая вертикаль власти постепенно заполняется все менее и менее компетентными людьми, становится крайне неэффективной и рушится в первый критический момент, например, когда умирает диктатор [34].

По сути, всякое сообщество линейного времени в авторитарной фазе своего развития является миллениаристской сектой, которая живет ожиданием приближающейся катастрофы. Ее члены держатся вместе под страхом изгнания, угрожающего им синдромом отсроченной жизни (возникающим при необходимости планировать время самостоятельно). Ее целью является спасение, которое неразрывно связано с личностью лидера и без его участия невозможно [3]. Про-

цесс перехода от демократии к тирании известен с древних времен и в деталях описан в книге Платона «Республика».

Новизна современной ситуации состоит в том, что описанные процессы перехода к авторитаризму происходят не в отдельном государстве, а в планетарном масштабе: в России и Китае, в Европе и Америке – синхронно и одинаково. Глобальная миллениаристская секта проповедует изменение климата, системный экономический кризис и пандемию – неизбежную катастрофу, после которой «всё изменится» в ходе Великой перезагрузки. Социальные мифы, представляющие будущее в свете угроз, затрагивающих судьбы всех народов планеты, активно продвигаются международными организациями, надгосударственными союзами и глобальными транснациональными корпорациями. Ни человеческие жертвы, ни военные и экономические катастрофы не убеждают новых революционеров в абсурдности их планов по достижению «новой устойчивости», наоборот – массовые жертвы, утверждающие в общественном восприятии правоту мифа о будущем как о катастрофе, только укрепляют их решимость в проведении масштабного и рискованного эксперимента.

Актуализация авраамической модели времени в ходе эмиграции

Невозможно перейти к авраамической модели времени, оставаясь вернакулярным прежнему сообществу. Стремление коллектива сохранить равенство во имя поддержания линейной модели времени проявляется в нетерпимости к незаурядным членам общества – в «крабовой ментальности» и синдроме высокого мака [13, 28, 33, 40]. Разрыв с обществом исхода, подразумевающий отказ от чувства вины перед ушедшими предками, и неприятие стыда собственной инаковости (отсталости) перед обществом транзита, суть ключевые элементы в победе личности (эмигранта) над психологическим давлением общества, навязывающего ему линейную модель времени.

«Ни власть, ни богатство, ни образование не спасают семью от вырождения и вымирания, но

эмиграция может дать ей новый шанс»². Это высказывание может показаться абсурдным, поскольку эмиграция, сознательный отказ от всех социальных гарантий, ассоциируется с незащищенностью и неопределённостью: мигранты могут недостаточно свободно говорить на другом языке, им может не хватать социальных связей в другом обществе, а их иностранная квалификация может быть не признана местными работодателями.

Действительно, мигранты чаще дискриминируются на рынке труда, хотя обычно имеют избыточную квалификацию для выполняемой работы [30]. Однако, в то время как для коренных жителей создание стабильной и успешной карьеры является нормативным ожиданием и необходимым предварительным условием начала семейной жизни и отцовства, для мигрантов ожидание улучшения экономических условий за счет накопления ресурсов и получения постоянного рабочего места может быть нереальным вариантом.

Недовольство своей работой и карьерным положением усиливает их желание искать устойчивые и полноценные личные отношения в семье. Опыт незащищенности на рынке труда только усиливает потребность в доверии и надежности личных отношений, а связи между родителями и детьми в эмиграции оказываются самыми крепкими из всех возможных [37]. Кроме того, вероятность стать отцом значительно выше для тех мужчин, которые улучшают свое положение, чем для тех, кто только поддерживает его. Мигранты, которым удалось преодолеть свою национальную и социальную судьбу, регулярно выходят по отцовству на первое место! Хотя и коренные жители, и мигранты сталкиваются с одинаковой неопределенностью на рынке труда, они пытаются сделать свое будущее более предсказуемым, следуя противоположным стратегиям: в то

² Эта мысль принадлежит моему старшему коллеге, профессору Филиппу Бланшару – швейцарцу, уроженцу Женевы, прожившему жизнь в Германии. Его отец был основателем Международной организации труда ООН в Женеве, дед соблазнял тайландскую принцессу в интересах Французской республики, а пра-прадед вручал Николаю I ноту французского правительства о начале Крымской войны.

время как коренные жители вначале инвестируют все усилия в сферу карьеры, иммигранты предпочитают отцовство как компенсационные отношения, потому что им нечего терять, но есть что выиграть, вкладывая средства в рождение детей [5].

Неудивительно, что у иммигрантов обычно больше детей, чем у коренных жителей развитых стран, преимущественно живущих в линейной модели времени. Во-первых, заведомо ограниченные возможности карьерного роста уменьшают вероятность того, что мигранты будут находить социальные и экономические стимулы для того, чтобы вкладывать больше средств в меньшее число детей, чем вкладывать доступные средства во многих детей.

Во-вторых, большинство культурных и поведенческих идей и символов, генерируемых людьми с высоким статусом и транслируемых массовой культурой принимающих обществ, сокращают количество детей. Популярные телешоу, музыкальные видеоклипы и рекламные ролики показывают успешных бездетных людей в окружении красивых вещей. Мода на бездетность, некогда появившаяся среди высококвалифицированных специалистов и политиков, теперь распространилась в нижних социальных слоях [19].

В-третьих, агрессивная пропаганда гомосексуализма, экологического экстремизма, смены пола детям без согласия родителей и других видов девиантного поведения и патологического мировосприятия в принципе не подразумевают воспроизводство.

В-четвертых, мало того, что окно биологической и социальной поры продолжения рода в развитых странах сокращено на десятилетия за счет получения образования, так еще и требование соблюдения гендерного равенства, провозглашенное «необходимой основой для достижения мира, процветания и устойчивого развития»³, превратили мужчину и женщину в конку-

рентов, борющихся за одни и те же позиции и одинаковый социальный статус – победа одного из участников этой борьбы неминуемо обращается поражением для другого [19].

Снижение численности коренного населения, происходящее во многих социальных государствах линейной модели времени, имеет объективные причины. С одной стороны, сдерживание реального экономического роста во имя смягчения социального неравенства приводит к тому, что сокращение рождаемости воспринимается как естественный инструмент для увеличения уровня дохода на душу населения – номинальный экономический рост. С другой стороны, многодетность в условиях ограниченных возможностей для самореализации, с помощью которых взрослеющие амбициозные молодые люди могут получить достойный социальный статус, чревата гражданской войной или революцией. Ведь родина, которая не может предложить больше, чем у нее есть, становится системой структурного насилия, которая направлена против ее членов [19].

Эмиграция позволяет избежать экологическую ловушку, в которую попадает коренное население в социальном государстве. С одной стороны, будучи чуждыми местной массовой культуре, иммигранты свободны от необходимости разделять ее идеи и следовать социальным практикам, которые лежат в основе снижения рождаемости. С другой стороны, для многих иммигрантов многокультурный опыт создает возможность также освободить себя от повиновения одиозным традициям общества исхода. Принимая семейную ориентацию родителей и разделяя важный социальный опыт, полученный в большой семье, иммигранты во втором поколении, выросшие с братьями и сестрами, имеют более высокую склонность к созданию собственной семьи [20]. Напротив, взросление в одиночестве и нестабильность в родительской семье значительно снижают скорость перехода мужчины к отцовству [5].

Простая мысль о том, что квартиру, доставшуюся от бабушки, не придется делить между детьми, но перед ними открыты просторы всех континентов планеты, коренным образом меняет репродуктивное поведение, создавая условия для

³ Цели ООН в Области Устойчивого Развития. Цель 5: Обеспечение гендерного равенства и расширение прав и возможностей всех женщин и девочек. Резолюция 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН от 2015 года.

возникновения «молодежного пузыря» (youth bulge) в отдельно взятой семье среди вымирающего общества. Когда на одного отца приходится несколько сыновей, они начинают вступать в противоречия и конфликты за статус с самого детства, меняя свой темперамент по мере роста семьи [19].

Свобода перемещения предоставляет возможности выбора условий и качества жизни, поэтому дети в эмигрантских семьях, как правило, получают хорошее питание, перспективное образование и уникальный многокультурный опыт, помноженные на неутолимую жажду доказать собственную важность в глазах братьев и сестер. Напряжение внутрисемейного конфликта, подогреваемого конкуренцией детей за влияние и достоинство, экспортируется из эмигрантских семей наружу, превращаясь в механизм насильственной колонизации принимающего общества. Взаимодействие детей в таких семьях напоминает боевое товарищество участников крестового похода – реконкисты, готовых отчаянно и бесстрашно бороться за завоевание более привлекательного жизненного пространства.

Психология и достижения второго поколения иммигрантов

Молодые иммигранты в первом и втором поколении с большей вероятностью создают полные семьи, чем их сверстники-автохтоны, поскольку глубокая потребность в доверии и надежности личных отношений обычно защищает семьи недавних эмигрантов от распада. Более того, родители-иммигранты, как правило, более авторитарны и авторитетны в глазах своих детей, чем родители в автохтонных семьях [26]. С одной стороны, такие родители более строги и требовательны, надежнее контролируют своих детей [15]. С другой стороны, они же более склонны оказывать своим детям безусловную эмоциональную поддержку и практическую помощь при решении новых и сложных задач, демонстрируя преданность и стойкость своей приверженности консервативным семейным ценностям [9, 10].

Высокая степень вовлеченности родителей в процессы образования и воспитания детей играет ключевую роль в обычно высокой успеваемости

молодых иммигрантов в первом и втором поколении [9]. Благодаря установлению надежной и доверительной обратной связи с родителями, дети - иммигранты более эффективно ориентируются при получении высшего образования и проявляют большую внутреннюю мотивацию в улучшении успеваемости, чем их местные сверстники. И наоборот, отсутствие поддержки со стороны родителей приводит к снижению успеваемости в школе: снисходительный и непричастный стиль воспитания, присущий многим автохтонным семьям, отрицательно коррелирует с уровнем образования детей [23].

Авторитарный стиль воспитания детей оказывается более результативным для поддержки восходящей социальной мобильности молодых иммигрантов, потому в нем делается упор на то, чтобы их дети делали все, что в их силах для достижения высокой цели, а не на саморазвитие и индивидуализм, что характерно для многих семей коренных жителей [26]. Родители-иммигранты идентифицируют себя с достижениями своего ребенка, испытывая гордость, когда тот успешно справляется со школьными заданиями, и смущаются, если ребенок терпит неудачу. Поскольку личные академические достижения подчеркивают Эго, недавние иммигранты могут больше доверять получению высшего образования с отличием в целях достижения восходящей мобильности⁴, чем коренные жители [9, 23]. Соответственно, молодые иммигранты могут иметь более высокие образовательные устремления, а также более сильную веру в важность и полезность образования, чем их более пессимистичные сверстники-автохтоны [26].

Литература, в которой обсуждается важность образования для улучшения благополучия, обширна [22]. Более высокий уровень образования

⁴ Параг Агравал, назначенный в начале декабря 2021 главой социальной сети «Твиттер», пополнил собой добрую дюжину выходцев из Индии, которые занимают ключевые посты в самых влиятельных компаниях Кремниевой долины. Сатья Наделла из Microsoft, Сундар Пичаи из Alphabet, топ-менеджеры IBM, Adobe, Palo Alto Networks, VMWare и Vimeo – все они индийского происхождения – при том, что этнические индийцы составляют всего один процент населения США и 6% сотрудников Кремниевой долины. <https://www.bbc.com/russian/news-59562866>

помогает улучшить качество жизни людей и развивает навыки, необходимые для поиска хорошей работы, получения достаточного дохода и создания стабильной семьи. Напротив, мужчины с низким уровнем образования также имеют низкую фертильность [21].

Пора собираться в путь

Однако с каждым поколением академическая мотивация и средний балл в аттестатах потомков иммигрантов снижаются. Например, в то время как молодые латиноамериканские и азиатские студенты – иммигранты в первом поколении делают огромные успехи при получении образования в США в сравнении со своими родителями, тенденция к восходящей мобильности среди них обращается вспять уже к третьему поколению [20].

Наряду со сверстниками коренного происхождения, потомки иммигрантов в третьем поколении, по-видимому, придерживаются фаталистической точки зрения на свою жизнь, и академический успех больше не является для них вариантом продвижения в обществе. Их охватывает разочарование, когда они видят множество препятствий на возможном пути к продвижению вверх, что лишает их иллюзий по поводу использования многообещающих возможностей в бизнесе и индустрии и часто заставляет переключиться к политическому активизму (в крупных городах). Культивируя рафинированность ощущений и показное себялюбие, они с огромным пессимизмом смотрят в будущее, ожидая неизбежной безработицы и ухудшения своего материального положения [20].

Возможно, третье поколение – самое подходящее время для планирования нового маршрута миграции, поскольку, эмигранты не могут себе позволить предаваться упадническим настроениям и пессимистическим ожиданиям среди жителей новой страны. После того, как они оторвались от своего прежнего образа мыслей и прошли короткий период адаптации, они становятся активными членами нового общества [14]. И тогда благотворный цикл обновления может повториться снова. В конце концов, эмиграция, совершенная в нужное время, может уберечь высо-

кие маки от риска быть остриженными в родной стране.

Заключение

Время привычной нам линейной модели времени принадлежит коллективу, а не человеку. Эволюция человеческих сообществ может быть процессом поиска равновесия, в котором наиболее приспособленными индивидами оказываются те, кто уклоняется от соревнования, а не те, кто стремится добиться конкурентного превосходства над своими товарищами, подвергая себя риску последующего исключения из группы совместными усилиями ее менее успешных членов.

Адаптируясь к условиям жизни в обществе, человек ограничивает свое репродуктивное поведение в надежде, что отлаженные социальные институты обеспечат выживание его рода даже в случае единственного ребенка в семье. Однако, время существования любого человеческого сообщества, как правило, ограничено лишь несколькими поколениями, в течение которых действенность его социальных институтов снижается, а система управления становится все менее эффективной из-за неуклонно возрастающей некомпетентности ее элементов. Рассогласование между стимулами, используемыми при принятии жизненных решений, и последствиями таких решений в условиях социальной аномии, может поставить семью в рискованное положение, а то и погубить. Глобализация не меняет сути происходящих социальных процессов, но лишь синхронизует их в планетарном масштабе.

Регулярная (раз в несколько поколений) «эмиграция на выносливость», подобная бегу на выносливость, когда-то обеспечившая выживание человеку как биологическому виду на ранних этапах его эволюции, может вывести семью из экологической ловушки путем поддержания и повышения степени лабильности жизни. Приобретая способность планировать свои действия самостоятельно, без оглядки на коллектив, эмигранты не стесняются иметь больше детей, чем было принято, как в стране их происхождения, так и в стране пребывания.

Благодарности

Автор выражает сердечную признательность А.Н. Лебедеву за организацию Академического дискуссионного клуба Института психологии РАН, а также всем участникам заседания дискуссионного клуба за полезные обсуждения, последовавшие за докладом автора по теме «Выживание в условиях неопределенности» (<https://www.youtube.com/watch?v=sv9JXkLwnjA>). Автор выражает признательность редакторам журнала за помощь в адаптации статьи для русскоязычного читателя.

Литература

1. Волченков Д. Психология выживания в глобальном обществе риска: модели времени // Ученые записки Института психологии РАН. 2021. Том 1. № 2. С. 51-68.
2. Морозов А. Консервативная революция. Смысл Крыма. 17 марта 2014. <http://www.colta.ru/articles/society/2477>.
3. Павловский Г.О. Система РФ в войне 2014 года. De Principatu Debili. М.: Издательство Европа. 2014.
4. Серкин В.П. Социально-психологические причины миграции населения Северо-Востока России // Личность в экстремальных условиях. Сборник научных трудов. Ч. 1. Вып. 2. Петропавловск-Камчатский: КамГУ им. Витуса Беринга, 2012. С.161-177.
5. Bernardi L., Klärner A., von der Lippe H. Job insecurity and the timing of parenthood: a comparison between Eastern and Western Germany // European Journal Population. 2008. № 24(3). P. 287-313.
6. Boehm C. Hierarchy in the Forest: The Evolution of Egalitarian Behavior. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2001.
7. Bramble D., Lieberman D. Endurance running and the evolution of Homo // Nature. 2004. №432 (7015). P.345-352.
8. Carrier D.R., Kapoor A.K., Kimura T., Nickels M.K., Satwanti, Scott E.C., So J.K., Trinkaus E. The energetic paradox of human running and Hominid evolution // Current Anthropology. 1984. № 25 (4). P. 483-495.
9. Cruz V. Educational attainment of first and second generation immigrant youth. New findings from national longitudinal data (Research guided by R. Capps, T. Vericker, D. Kuehn) at Urban Institute, Summer Academy for Public Policy Analysis and Research, Research Brief № 5. 2009.
10. Danner E.W., Lonky E. A cognitive-developmental approach to the effects of rewards on intrinsic motivation // Child Development. 1981. № 52. P. 1043-1052.
11. Ellis B.J. Timing of pubertal maturation in girls: an integrated life history approach // Psychological Bulletin. 2004. №130. P. 920-958.
12. Feather N.T. Attitudes towards the high achiever: the fall of the tall poppy // Australian Journal of Psychology. 2011. № 41(3). P. 239-267.
13. Garland D. The Tall Poppy Syndrome: Modern Guide to an Ancient Metaphor. Kindle Edition. 2020. <https://www.amazon.com/dp/B08R7YCC72>
14. Glubb J.B. The Fate of Empires and Search for Survival. Edinburgh: William Blackwood and Sons. 1978.
15. Gonzalez N.A., German M., Kim S.Y., Preethy G. Mexican American adolescents' cultural orientation, externalizing behavior and academic engagement: the role of traditional cultural values // American Journal of Community Psychology. 2008. №41. P. 151-164.
16. Griskevicius V., Tybur J.M., Delton A.W., Robertson T.E. The influence of mortality and socioeconomic status on risk and delayed rewards: a life history theory approach // Journal of Personality and Social Psychology. 2011. №100. P. 1015-1026.
17. Griskevicius V., Delton A.W., Robertson T.E., Tybur J.M. Environmental contingency in life history strategies: the influence of mortality and socioeconomic status on reproductive timing // Journal of Personality and Social Psychology. 2010. № 100(2). P. 241-254.

18. Hagman M., Phillips B.L., Shine R. Fatal attraction: adaptations to prey on native frogs in imperilsnakes after invasion of toxic toads // Proceedings of the Royal Society: Biological Sciences. 2009. № 276. P. 2813-2818.
19. Heinsohn G. Söhne und Weltmacht. Terror im Aufstieg und Fall der Nationen. Zürich: Orell Füssli Verlag, 2003.
20. Huinink J., Wagner M. Regionale Lebensbedingungen, Migration und Familienbildung // Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. 1989. № 41(4). P. 669-689.
21. Huinink J. Warum noch Familie? Zur Attraktivität von Partnerschaft und Elternschaft in unserer Gesellschaft. Frankfurt/Main; New York; Campus, 1995.
22. Krauss A., Graham C. Subjective wellbeing in Colombia: some insights on vulnerability, job security, and relative incomes. World Bank, Washington, D.C., Policy research working papers. 2013. № 6672.
23. La Guardia J.G. Developing who I am: a self-determination theory approach to the establishment of healthy identities // Educational Psychologist. 2009. № 44(2). P. 90-104.
24. Lieberman D.E., Bramble D.M., Raichlen D.A., Shea J.J. The evolution of endurance running and the tyranny of ethnography: a reply to Pickering and Bunn // Journal of Human Evolution. 2007. № 53(4). P. 439-442.
25. Melucci A. Inner time and social time in a world of uncertainty // Time and Society. 1998. №7. P. 179.
26. Min P.G. Major issues related to Asian American experiences. In: Asian Americans: Contemporary Trends and Issues. 2nd ed. Pine Forge Press, Thousand Oaks. 2006. P. 80-108.
27. Neuberg S.L., Sng O. A life history theory of social perception: Stereotyping at the intersections of age, sex, ecology (and race) // Social Cognition. 2013. № 31(6). P. 696-711.
28. Peeters B. Tall poppies and egalitarianism in Australian discourse: From key word to cultural value // English World-Wide. 2004. №25 (1). P. 1-25.
29. Reith G. Uncertain times: the notion of 'risk' and the development of modernity // Time and Society. 2004. №13(2-3). P. 383-402.
30. Report OECD: International Migration: The Human Face of Globalization. 2009. file:///C:/Users/user/AppData/Local/Temp/43569069.pdf
31. Ridley M. Evolution. 3rd ed. Blackwell Publishing, Hoboken, 2004.
32. Robertson B.A., Hutto R.L. A framework for understanding ecological traps and an evaluation of existing evidence // Ecology. 2006. № 87. P. 1075-1085.
33. Robin L., Peng B. Good Intentions Are Not Enough: Why We Fail At Helping Others. World Scientific, 2016.
34. Schedler A. The Politics of Uncertainty: Sustaining and Subverting Electoral Authoritarianism. Oxford Studies in Democratization Series. Oxford University Press, Oxford, 2013.
35. Singer M.C., Parmesan C. Lethal trap created by adaptive evolutionary response to an exotic resource // Nature. 2018. № 557. P. 238-241.
36. Tong Y. Mass alienation under state socialism and after // Communist Post-Communist Studies. 1995. № 28(2). P. 215-237.
37. Tölke A., Diewald M. Insecurities in employment and occupational careers and their impact on the transition to fatherhood in Western Germany // Demographic Research. 2003. №9(3). P. 41-68.
38. Volchenkov D. Survival under Uncertainty an Introduction to Probability Models of Social Structure and Evolution. Springer Series: Understanding Complex Systems, Berlin / Heidelberg, 2016.
39. Weber M., Baehr P.R., Wells G.C. The Protestant Ethic and the 'Spirit' of Capitalism and Other Writings. London: Penguin, 2002.
40. Wilder L.D. Son of Virginia: A Life in America's Political Arena. Lyons Press, 2015.

Статья поступила в редакцию 26.12.2021.

PSYCHOLOGY OF SURVIVAL IN A GLOBAL RISK SOCIETY: THE HYPOTHESIS OF EMIGRATION FOR ENDURANCE

© Dr. Dmitry Volchenkov

Habilitated Doctor of Science (France, Germany), Alexander von Humboldt laureate, the 1000 Talent Plan of China winner, professor of the Sichuan University of Science and Technology (China) and Texas Tech University (USA)

The purpose of the final part of our work "The Psychology of Survival in the Global Risk Society" is to substantiate the hypothesis of "endurance emigration" as a strategy for regular family renewal. Like the endurance running, which apparently played a decisive role in anthropogenesis at the early stages of human evolution, regular emigration can lead a family out of the ecological trap of outdated specializations and obsolete traditions by increasing the degree of lability of life. The proposed strategy is of particular importance in the context of rapid and unpredictable changes taking place in the global risk society.

Keywords: social psychology, global risk society, political psychology, survival psychology, risk psychology, linear time model

REFERENCES

1. Volchenkov, D. (2021). Psihologiya vyzhivaniya v glo-bal'nom obshchestve riska: modeli vremeni [*Psychology of survival in a global risk society: models of time*] // Uchenye zapiski Instituta psihologii RAN [*Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences*]. V 1. № 2. P. 51-68.
2. Morozov, A. (2014). Konservativnaya revolyuciya. Smysl Kryma [*The Conservative revolution. The meaning of Crimea*]. 17 march 2014. <http://www.colta.ru/articles/society/2477>.
3. Pavlovskij, G.O. (2014). Sistema RF v vojne 2014 goda. De Principatu Debili [*The system of the Russian Federation in the war of 2014. De Principatu Debili*]. M.: Izdatel'stvo Evropa [*Moscow: Publishing House Europe*].
4. Serkin, V.P. (2012). Social'no-psihologicheskie prichiny migracii naseleniya Severo-Vostoka Rossii [*Socio-psychological causes of migration of the population of the North-East of Russia*] // Lichnost' v ekstremal'nyh usloviyah. Sbornik nauchnyh trudov [*Personality in extreme conditions. Collection of scientific papers*]. Part 1. Issue. 2. Petropavlovsk-Kamchatskij: KamGU im. Vitusa Beringa. P.161-177.
5. Bernardi, L., Klärner, A., von der Lippe, H. (2008). Job insecurity and the timing of parenthood: a comparison between Eastern and Western Germany // *European Journal Population*. № 24(3). P. 287-313.
6. Boehm, C. (2001). *Hierarchy in the Forest: The Evolution of Egalitarian Behavior*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
7. Bramble D., Lieberman D. Endurance running and the evolution of Homo // *Nature*. 2004. №432 (7015). P.345-352.
8. Carrier, D.R., Kapoor, A.K., Kimura, T., Nickels, M.K., Satwanti, Scott, E.C., So, J.K., Trinkaus, E. (1984). The energetic paradox of human running and Hominid evolution // *Current Anthropology*. № 25 (4). P. 483-495.
9. Cruz, V. (2009). Educational attainment of first and second generation immigrant youth. New findings from national longitudinal data (Research guided by R. Capps, T. Vericker, D. Kuehn) at Urban Institute, Summer Academy for Public Policy Analysis and Research, Research Brief № 5.
10. Danner, E.W., Lonky, E. (1981). A cognitive-developmental approach to the effects of rewards on intrinsic motivation // *Child Development*. № 52. P. 1043-1052.

11. Ellis, B.J. (2004). Timing of pubertal maturation in girls: an integrated life history approach // *Psychological Bulletin*. №130. P. 920-958.
12. Feather, N.T. (2011). Attitudes towards the high achiever: the fall of the tall poppy // *Australian Journal of Psychology*. № 41(3). P. 239-267.
13. Garland, D. (2020). *The Tall Poppy Syndrome: Modern Guide to an Ancient Metaphor*. Kindle Edition.
<https://www.amazon.com/dp/B08R7YCC72>
14. Glubb, J.B. (1978). *The Fate of Empires and Search for Survival*. Edinburgh: William Blackwood and Sons.
15. Gonzalez, N.A., German, M., Kim, S.Y., Preethy, G. (2008). Mexican American adolescents' cultural orientation, externalizing behavior and academic engagement: the role of traditional cultural values // *American Journal of Community Psychology*. №41. P. 151-164.
16. Griskevicius, V., Tybur, J.M., Delton, A.W., Robertson, T.E. (2011). The influence of mortality and socioeconomic status on risk and delayed rewards: a life history theory approach // *Journal of Personality and Social Psychology*. №100. P. 1015-1026.
17. Griskevicius, V., Delton, A.W., Robertson, T.E., Tybur, J.M. (2010). Environmental contingency in life history strategies: the influence of mortality and socioeconomic status on reproductive timing // *Journal of Personality and Social Psychology*. № 100(2). P. 241-254.
18. Hagman, M., Phillips, B.L., Shine, R. (2009). Fatal attraction: adaptations to prey on native frogs in imperiled snakes after invasion of toxic toads // *Proceedings of the Royal Society: Biological Sciences*. № 276. P. 2813-2818.
19. Heinsohn, G. (2003). *Söhne und Weltmacht. Terror im Aufstieg und Fall der Nationen*. Zürich: Orell Füssli Verlag.
20. Huinink, J., Wagner, M. (1989). Regionale Lebensbedingungen, Migration und Familienbildung // *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*. № 41(4). P. 669-689.
21. Huinink, J. (1995). *Warum noch Familie? Zur Attraktivität von Partnerschaft und Elternschaft in unserer Gesellschaft*. Frankfurt/Main; New York; Campus.
22. Krauss, A., Graham, C. (2013). Subjective wellbeing in Colombia: some insights on vulnerability, job security, and relative incomes. World Bank, Washington, D.C., Policy research working papers. № 6672.
23. La Guardia, J.G. (2009). Developing who I am: a self-determination theory approach to the establishment of healthy identities // *Educational Psychologist*. № 44(2). P. 90-104.
24. Lieberman, D.E., Bramble, D.M., Raichlen, D.A., Shea, J.J. (2007). The evolution of endurance running and the tyranny of ethnography: a reply to Pickering and Bunn // *Journal of Human Evolution*. № 53(4). P. 439-442.
25. Melucci, A. (1998). Inner time and social time in a world of uncertainty // *Time and Society*. №7. P. 179.
26. Min, P.G. (2006). Major issues related to Asian American experiences. In: *Asian Americans: Contemporary Trends and Issues*. 2nd ed. Pine Forge Press, Thousand Oaks. P. 80-108.
27. Neuberg, S.L., Sng, O. (2013). A life history theory of social perception: Stereotyping at the intersections of age, sex, ecology (and race) // *Social Cognition*. № 31(6). P. 696-711.
28. Peeters, B. (2004). Tall poppies and egalitarianism in Australian discourse: From key word to cultural value // *English World-Wide*. №25 (1). P. 1-25.
29. Reith, G. (2004). Uncertain times: the notion of 'risk' and the development of modernity // *Time and Society*. №13(2-3). P. 383-402.
30. Report OECD: *International Migration: The Human Face of Globalization*. 2009. <file:///C:/Users/user/AppData/Local/Temp/43569069.pdf>
31. Ridley, M. (2004). *Evolution*. 3rd ed. Blackwell Publishing, Hoboken.
32. Robertson, B.A., Hutto, R.L. (2006). A framework for understanding ecological traps and an evaluation of existing evidence // *Ecology*. № 87. P. 1075-1085.
33. Robin, L., Peng, B. (2016). *Good Intentions Are Not Enough: Why We Fail At Helping Others*. World Scientific,
34. Schedler, A. (2013). *The Politics of Uncertainty: Sustaining and Subverting Electoral Authoritarianism*. Oxford Studies in Democratization Series. Oxford University Press, Oxford.
35. Singer, M.C., Parmesan, C. (2018). Lethal trap created by adaptive evolutionary response to an exotic resource // *Nature*. № 557. P. 238-241.

36. Tong, Y. (1995). Mass alienation under state socialism and after // *Communist Post-Communist Studies*. № 28(2). P. 215-237.
37. Tölke, A., Diewald, M. (2003). Insecurities in employment and occupational careers and their impact on the transition to fatherhood in Western Germany // *Demographic Research*. №9(3). P. 41-68.
38. Volchenkov, D. (2016). *Survival under Uncertainty an Introduction to Probability Models of Social Structure and Evolution*. Springer Series: Understanding Complex Systems, Berlin / Heidelberg.
39. Weber, M., Baehr, P.R., Wells, G.C. (2002). *The Protestant Ethic and the 'Spirit' of Capitalism and Other Writings*. London: Penguin.
40. Wilder, L.D. (2015). *Son of Virginia: A Life in America's Political Arena*. Lyons Press.

The article was received 26.12.2021.